

КТО ТАКОЙ ПАСТЫРЬ СЛОВЕСНЫХ ОВЕЦ?

Понятие пастырства очень широко: пастырство есть и в монастырях; и архиерей — пастырь, даже архипастырь; духовники, преподаватели и руководители духовных учебных заведений тоже занимаются пастырством, но непосредственно мы будем говорить только о пастырской деятельности священника на приходе и о его же пастырстве в своей семье.

И приходская семья, и семья в обычном смысле исторически восходят к патриархальной семье, глава которой в одном лице: отец, священник, учитель, пророк, начальник, духовный и нравственный руководитель.

Отец рождает своих детей («Авраам родил Исаака», — сказано в Библии (Быт. 25, 19)), он их любит, он сердечно предстоит Богу за них.

Как священник, глава семьи совершает, организует, возглавляет семейный культ, блюдет семейный уклад и нравственность всех членов семьи. В зависимости от веры культ бывает или богослужением, или шаманством (общением с бесами).

Как пророку, главе патриархальной семьи открывается воля Божия о семье, и ему дано возвещать семье волю Божию. Речь идет не о великих дарованиях древних пророков, Христа ради юродивых или преподобных

старцев. Речь о том, что Бог, вверяя человеку руководство чем бы то ни было (это может быть семья или приход, или какое-то дело), открывает ему и Свою волю об этом. И определяется такое пророчество не нравственным уровнем человека, а положением, которое он занимает. От самого же человека зависит: хотеть Божьей воли или ничего о ней не думать, или даже бессильно противиться ей.

Вспомним Ветхий Завет. Пророческие сны о наступающих годах изобилия и голода толковал святой Иосиф, но снились они фараону. Так же и пророческие видения о пришествии в мир Спасителя истолковывал царю Навуходоносору пророк Даниил, но видения эти были царю.

Именно на вере в то, что Бог возвещает Свою волю через начальствующих (хотя и немощных, и даже грешных), основано свободное послушание. А иначе остается рабское подчинение — по страху, или лукавое — ради выгоды.

Как начальник, глава патриархальной семьи управляет своей великой или малой семьей. Он получает сведения о внешних обстоятельствах и о внутреннем состоянии членов семьи и о состоянии семьи как целого, осмысливает эти сведения, обсуждает, если нужно и если есть с кем, и принимает решения.

Духовный наставник (это уже относится конкретно к христианской семье, большой или малой) указывает духовный путь, учит заповедям Божиим, учит своих чад молитве и борьбе со страстями, дает конкретные духовные советы, отвечает на духовные вопросы. И он же — учитель и блюститель нравственности.

Современная семья очень далеко отошла (точнее сказать отпала) от такой патриархальности, хотя память о ней еще сохраняется. На приходе же, как ни странно, настоятель, а, в некоторых отношениях, и рядовой священник, не так уж редко бывает не только совершителем богослужений (само собой), но и духовным отцом, и провозвестником Божьей воли (в меру полномочий или особых дарований), и начальником, и духовным наставником. Это и есть пастырство в его полноте.

ПРИЗВАНИЕ К СВЯЩЕНСТВУ

Великое дело быть пастырем овец православных, но перед каждым человеком, намеревающимся принять священный сан, встает вопрос о призвании: есть ли на это Божья воля, Божье благословение? Можно быть прекрасным человеком, даже высокой духовной жизни, и не иметь призвания к священству. Отсутствие такого призвания само по себе отнюдь не грех и не недостаток — в Церкви много служений и много благодатных путей к совершенству. Мало того, если Бог не призывает кого-то к священству, то, хотя бы он и свят был, ему не следует касаться этого служения.

Я знал одного человека, очень благочестивого, молитвенника, которого, однако, внешнее активное участие в службе тяготило, рассеивало. Он пользовался большим уважением среди церковных людей, даже привлек к себе внимание епархиального архиерея, все клонилось к рукоположению, но у него нашлись канонические препятствия. И, думаю, Бог его таким образом уберег от священного сана, к которому этот духовный муж не имел внутреннего расположения.

Как человеку распознать, есть ли у него расположение к священству? Алгоритма распознавания, конечно, нет, но обязательно должно быть желание священнодействовать, человеку должно хотеться встать у престола в алтаре и вознести иерейские молитвы. Речь идет не о гордых мечтаниях, «как я буду выглядеть, стоя у престола», а именно о желании совершать божественные службы. Если такого желания нет, то не о чем и думать.

Бывает, человек по глубокому смирению или по природной робости даже и помыслить себя не может на такой высоте: «Как это вдруг я — и священник? Да этого не может быть». Тогда, если Богу угодно, Он найдет, как призвать к служению такого смиренного или робкого человека, а, если нет, то и не надо.

Но, бывает, человека прямо-таки «заносят» в священники. Начинает он ходить в храм, погружается в церковную среду, выглядит благообразно — чем не батюшка? Его спрашивают знакомые: «А что ты не пойдешь учиться в семинарию?» «А и правда, — думает он, — не стать ли мне священником?» Тем более, что в наше время священником быть престижно. Если храм один в городе, то совсем юный настоятель может сразу оказаться заметной фигурой; чиновник до такого положения в обществе, бывает, тянется много лет.

Кроме того, в церковной среде священник пользуется уважением и почтением. Конечно, все мы знаем, что почтение оказывается не нашей немощи, а нашему сану, то есть самому Христу, но физически-то руку кому целуют? И человеку хочется, как он думает, «расти». На заводе мастер хочет стать начальником цеха, а на приходе пономарь хочет стать батюшкой. Слова же Христа, что «кто

хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк. 10, 44) — при этом забываются.

А дальше все идет по накатанному: поступление в семинарию, учеба, хиротония, приход... И благо, если призвание все-таки было, тогда человек, несмотря на легкомысленное начало пути к священству, потом нередко выправляется. Но если призвания не было, то взятый ради посторонних причин непосильный крест может буквально раздавить человека.

Как это, раздавить? Внешне бывает по-всякому, а по существу: душа охладевает к молитве, к причащению — ко всему духовному; появляется пренебрежение святыней, человек впадает в тяжкие грехи делом. И хорошо, если он придет в глубокое покаяние, которым все врачуется. Если же нет, то благообразная видимость иногда долго сохраняется, а в сердце может даже простая вера в Бога иссякнуть.

РАБСТВО, РАБОТА, СЛУЖЕНИЕ

Человек, духовно больной честолюбием и тщеславием, стремится занять в мире высокое положение. Это относится, к сожалению, и к нам, служителям церкви. В одночасье мы от страстей не избавимся, бороться с ними придется всю жизнь, но уже сейчас мы должны видеть в них предмет для покаяния, а не то, чему должно следовать и потакать.

Ведь для вечной участи христианина имеет значение не его положение в церковной структуре (настоятель, сотрудник, прихожанин и прочее), а как он сам относится к Церкви: работает в ней или служит Ей.

Рабство — это когда человек что-то делает из страха наказания. Работа — когда что-то делают за плату. А служение — это когда человек занимается каким-то делом, потому что сам хочет, чтобы это дело делалось. Его не заставляют и могут ничего не платить, для него дорогое дело.

Один солдат — «пушечное мясо» — воюет, потому что иначе его расстреляют, другой — наемник — готов убивать и рисковать, потому что ему за это платят (деньгами или орденами), а третий — истинный воин — любит то, что защищает, и добровольно идет на страдания и смерть, чтобы это любимое сохранить.

И заметьте, он идет на страдания и смерть — они ведь ему не нравятся. Служение далеко не всегда приносит утешение служителю. Добрый батюшка, допустим, исповедует народ три часа подряд, у него уже и ноги, и спина болят. Какое там «нравится»! Ему просто хочется лечь. Никто его не заставляет исповедовать, но он сам хочет, чтобы люди очищались от грехов и учились свою земную жизнь строить ради Царства Небесного, и поэтому терпеливо выслушивает исповедников и молится за них.

Для любого человека, не только воина или священника, его дело может быть служением, а не работой. Есть замечательная притча. У двух людей на стройке спрашивают: «Что вы делаете?» Первый отвечает: «Ношу камни». А второй: «Возвожу собор». Один работает, а другой служит; выбор зависит от нас самих.

Но рабочий, если просто работает, не погрешает в своем деле. А вот для священника недостаточно, образно говоря, носить камни. Он всегда должен стремиться «возводить собор» — и свой сердечный, и каждого прихожанина, и приходской общины как целого. Нетерпимо,